

К.Д. Бал монт

**Испанские народные песни.
Любовь и ненависть**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Д. Бал монт**
Испанские народные песни. Любовь и ненависть / К.Д. Бал монт – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 108 с.

ISBN 978-5-518-02226-3

ISBN 978-5-518-02226-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

талкивая пловучія льдины. И вотъ, черезъ сколько-то круговратностей часовъ, мы заѣхали въ Испанскій портовый городъ Корунью. И сразу—сказка. Сбросивъ съ себя тюремный костюмъ, или что то же—шуба, безъ всякихъ лишнихъ покрывшекъ мы бродили по нѣжному цвѣтущему саду, смотрѣли на бѣлые арумы, на пестрыя ромашки, на нѣжную лазурь присовъ, на иные цвѣты, золотые и красные. А вечеромъ, когда мы отплыли далѣе, вся первоклассная международная публика забыла о своихъ обычныхъ разговорахъ и, застывши, въ молчаньи смотрѣла и слушала; на палубѣ, тамъ, гдѣ не слишкомъ уютно, огромная толпа Испанскихъ эмигрантовъ предавалась дѣтскому веселью: покидая свою родину, быть-можетъ, навсегда, Испанцы, многіе полуоборванные, плясали и пѣли подъ аккомпаниментъ неизбѣжной гитары. И столько было чего-то беззавѣтнаго, безудержнаго въ этихъ коротенькихъ, быстро смѣнявшихся пѣсенкахъ, столько воли было въ этихъ короткихъ энергическихъ вскрикахъ и мѣткихъ насмѣшкахъ, столько красоты было и нѣжной чувственности въ разнообразныхъ движеніяхъ многоименнаго, разноликаго Испанскаго танца, что думать о чемъ-либо иномъ, когда пѣли и плясали Испанцы, было невозможно. Одинъ, ужь почти что солидный, молодой Нѣмецкій купецъ, перегнувшись черезъ перила лѣсенки, отъ прогулки первоклассниковъ внизъ, долго глядѣлъ на молодую Испанку, долго вызывалъ у ней своею фигурою смѣхъ, наконецъ не вытерпѣлъ и крикнулъ по-испански: „Почему, сеньорита, вы смѣетесь надо мной?“—„Потому что сеньоръ такъ наклонился, что свалится, пожалуй, въ Испанію“, отвѣтила она тотчасъ при общемъ смѣхѣ—и черезъ секунду уже забыла его въ движеніяхъ своей пляски, а его сердце воистину свалилось въ Испанію, какъ тяжесть съ горы, обрадовавшись, что, наконецъ, нашелся узывчивый стройный

уклонъ, на который вступивъ, непременно покатишься внизъ.

Испанцы всѣ свои ощущенія связываютъ съ пѣсней, какъ радостныя, такъ и темноцвѣтныя. Любятъ—поютъ, ненавидятъ—поютъ, тоскуютъ—напѣвомъ, цѣлуютъ—созвучьемъ. Какъ говорится въ одной Испанской пѣснѣ:

У меня покорно сердце,
Исполняетъ всѣ велѣнья:
„Плачь“, скажу—и сердце плачетъ,
„Пою“, скажу—оно поетъ.

Объ этой общей Испанцамъ склонности претворять свои ощущенія во внезапно рождающуюся пѣсню хорошо говоритъ въ одной изъ своихъ книгъ собиратель Испанскихъ народныхъ пѣсенъ, Франсиско Родригесъ Маринъ: „Въ Испаніи, прежде всего въ области Андалузской, гдѣ, какъ въ Сициліи, *tutto parla di poesia*, поистинѣ изумительна поэтическая плодовитость народа, такъ же какъ необычайная его легкость въ творчествѣ. Города и деревни есть, гдѣ молодежь обоюго пола въ веселыхъ ночныхъ собраніяхъ, зимою освѣщенныхъ классической свѣчой, а лѣтомъ серебряной луной, влюбляется, ссорится, бранится, взаимно насмѣхается, въ непрерывной перестрѣлкѣ четырехстрочныхъ пѣсенокъ. Врядъ ли встрѣтится какая-нибудь мысль, для выраженія которой они не нашли бы подходящей пѣсни. Если не знаютъ, импровизируютъ; если импровизація неудачна, она теряется такъ же быстро, какъ смолкаетъ голосъ, который ее пропѣлъ; если же она хороша, если вполне отвѣчаетъ особому состоянію души, если въ пѣснѣ замкнута оригинальная мысль, заслуживающая труда быть сохраненной, новой пѣсенкѣ выпадаетъ счастливая судьба: на слѣдующій день ее повторяютъ всѣ въ деревнѣ, а десять

лѣтъ спустя поетъ ее весь полуостровъ, и полувѣкомъ позднѣе она находитъ соотвѣтствія въ народныхъ литературахъ почти всѣхъ странъ“.

Въ объемистой пятитомной коллекціи Франсиско Родригесъ Маринъ собралъ всю эту сокровищницу Испанскаго поэтическаго творчества: *Cantos Populares Espanoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodriguez Maria. 5 tomos. Sevilla. 1882.* По полнотѣ своей это собраніе можетъ быть сравнено съ такими собраніями Русскихъ народныхъ пѣсенъ, какія дали намъ Шеннъ и профессоръ Соболевскій, но собраніе Марина, какъ приобрѣтеніе въ области народознанія, имѣетъ еще и ту цѣнность, что въ немъ огромное множество изъяснительныхъ замѣчаній и параллелей изъ Португальскаго фольклора, Сицилійскаго и обще-Итальянскаго. Пѣсни, собранныя Мариномъ, обнимаютъ полнозвучность темъ и настроеній. Колыбельныя пѣсни, дѣтскія игры, загадки, бранности, заклинанья, заговоры, влюбленность, признанія, нѣжность, ревность, серенада, ненависть, презрѣніе, примиреніе, любовныя совѣты, пляски, историческія пѣсни, мѣстныя и прочее и прочее. Изъ всего этого разнообразія я беру одинъ основной моментъ—любовь—съ его естественнымъ дополненіемъ—ненавистью. Любовь и ненависть по природѣ своей однородны, но только ненависть есть обратный ликъ любви. Одно есть отъ Бога, другое отъ Дьявола, одно есть прямое, другое—опрокинутое.

Вспоминаю то, что я говорилъ когда-то объ Испанскихъ народныхъ пѣсняхъ, печатая впервые небольшое ихъ собраніе въ своей книгѣ „Горныя Вершины“.

Немногословныя и яркія Испанскія пѣсни, созданныя безымянными поэтами изъ народа, можно было бы назвать „Цвѣтами Влюбленныхъ“. Они такъ же исполнены любовью, какъ воздухъ весны — ароматомъ расцвѣтшихъ растеній.

Испанская манера выражать любовь рѣзко отличается отъ манеры, свойственной намъ, Сѣверянамъ. Въ сѣверныхъ странахъ очертанія предметовъ окутаны дымкой. Въ странахъ, озаренныхъ жгучимъ солнцемъ, очертанія предметовъ предстаютъ отчетливо, со всѣми ихъ крупными и мелкими подробностями. Эта истина повторяется и въ мѣрѣ природы и въ жизни души. Норвежскія горы и фьорды, Русскіе лѣса и равнины такъ же туманны и загадочны, какъ души ихъ обитателей, печальныя души, полныя пропастей и всегда недосказанныхъ словъ, всегда недовершенныхъ сновидѣній. Воздушныя окрестности Неаполя, залитая солнцемъ природа Андалузїи отчетливы и ясны въ своей красотѣ,—они полны тѣхъ же опредѣленныхъ эффектовъ свѣтотѣни, которые восхищаютъ насъ въ быстрыхъ переходахъ отъ гнѣва къ нѣжности и отъ ласки къ ревности, составляющихъ неизбѣжную черту полудикихъ красивыхъ Южанъ.!

Когда Сѣверянинъ влюбленъ, онъ просто чувствуетъ красоту любимой женщины, онъ получаетъ общее впечатлѣніе ея очарованія. Если онъ на чемъ-нибудь остановитъ детальное вниманіе, это, конечно, будутъ глаза, вѣчно глаза, только глаза, потому что души черезъ взгляды легче всего соприкасаются одна съ другой. Но Южанинъ видитъ все лицо, и для каждой отдѣльной части его онъ находитъ чарующій образъ. Онъ видитъ, что губы напоминаютъ гвоздику, любимый цвѣтокъ Испанцевъ, что ротъ напоминаетъ закрывшіеся лепестки, что зубы—какъ жемчугъ въ темницѣ изъ коралловъ, и онъ описываетъ подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Онъ говоритъ о глазахъ. Но вы думаете, что глаза—не болѣе какъ глаза? Какая ошибка! Глаза состоятъ изъ зрачка, всегда переменчиваго, изъ бѣлка съ синими жилками, напоминающими облачное небо, изъ острыхъ, какъ

иглы, рѣсницъ, черныхъ, какъ ночь изъ бровей, похожихъ на луну въ новолуніе. Что для Сѣверянина одновременно — начало и конецъ, то для Южанина превращается въ длинную цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ: онъ разъединяетъ начало и конецъ, заполяя промежуточное пространство цѣльными въ своей частности впечатлѣніями.

Безъимянные пѣвцы изъ среды Испанскаго народа сходятся въ этомъ отношеніи съ лучшими образцами любовной лирики.

Взгляните, какъ Индійскіе поэты описываютъ типъ совершенной женщины, чье имя Падмини, женщина—лотось (Kâmasûtram). Она прекрасна, какъ нераскрывшійся лотось, какъ наслажденіе. У нея стройный станъ и поступь лебедя. Ея голосъ какъ пѣніе птицы, манящей другую, ея слова—какъ сладостная сома. Отъ нея исходитъ дыханіе мускуса, и за нею летитъ золотая пчела, кружась надъ ней, какъ надъ цвѣткомъ, таящимъ нѣжный запахъ меда. Ея длинные шелковистые волосы волнисты; они благоуханны сами по себѣ, и лицо ея окружено ими, какъ лунный дискъ въ полнолуніе. Ея глаза, чей разрѣзъ прекрасенъ, блестящи, нѣжны и пугливы, какъ глаза газели; черные, какъ ночь, ихъ зрачки горятъ въ глубинѣ орбитъ, какъ звѣзды въ мрачномъ небѣ; ихъ длинныя рѣсницы даютъ взгляду силу притягательную. Ея чувственыя губы розовы, какъ вѣчникъ нерасцвѣтшаго цвѣтка, или красны, какъ красные плоды. Ея бѣлые зубы какъ аравійскій жемчугъ; улыбнется—и они какъ жемчужныя четки въ оправѣ изъ коралла. Изящная, какъ воздушный лепестокъ, она любитъ бѣлыя одежды, бѣлые цвѣты, красивыя драгоценности и богатые наряды.

Совершенно такъ же и въ „Пѣсни Пѣсней“ мы видимъ, какъ великій царственный поэтъ, плѣненный смуглою одчерью пустыни, воссоздаетъ передъ нами, въ ча-

стичныхъ гимнахъ, образъ своей возлюбленной, чьи поцѣлуи слаще мирры и вина. И Шелли, въ поэмѣ „Эпипсихидіонъ“, отдается тому же побужденію, когда, описывая идеальную Эмилию Вивіани, онъ нагромождаетъ одинъ образъ на другой. И Эдгаръ По въ своей гениальной фантазіи „Лигейя“, рисуя сказочную женщину, создаетъ поэму женскаго лица.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той способностью человѣческой души, которую я назову *радостью многогранности*, и— какъ ни страшно научное слово—назову еще *усладю классификаціи*. Эта способность проявляется у людей влюбленныхъ, у людей, страстно любящихъ что-нибудь, побуждаемыхъ этой исключительной любовью къ непрерывному созерцанію любимаго, а отсюда къ открытію въ томъ, что любишь, вѣчно новыхъ и новыхъ отгѣнковъ. Эта способность составляетъ неотъемлемую черту цѣлыхъ народовъ, которые по страстности своей всегда находятся въ космической влюбленности. Мы, Сѣверяне, мы, бѣлоликіе, блѣдные, смотря на родную природу, куда какъ односложны въ наименованіяхъ. Видимъ иву, скажемъ—плакучая ива, вѣтвистая ива, и снова— плакучая ива. Лѣсную красавицу нашу, березу, называемъ бѣлой березой, кудрявой, скажемъ иногда—тонкоствольная береза, сравнимъ иногда березу съ молодой дѣвушкой. Дальше не пойдемъ. Вырвется у насъ, въ счастливую минуту, пять-шесть опредѣленій, и затѣмъ Сѣверная мысль вступаетъ въ кругъ повторностей. Возьмите Индусскую фантазію, Индусскую воспримчивость, и вы увидите нѣчто совершенно иное. Каждому растенію Индусъ, кромѣ основного названія, даетъ еще цѣлый рядъ другихъ. (См., на примѣръ, Hector Dufrené. La Flore Sanscrite. Paris. 1887.) Бамбукъ для Индуса не только бамбукъ, но еще—жадный до воды;— узлистый; — стеблеподобный; — дерево для лука; — на крайнихъ вѣтвяхъ плодоносный; — сѣмя смерти;—

цѣпко за землю схватившійся; — чей плодъ похожъ на ячмень; — звучащій; — зародышъ огня; — множество; — великая трава; — благополучіе дающій; — добрый узелъ; — возлюбленный царями; — врагъ врага. И въ то время, какъ мы о водной лиліи говоримъ лишь, что она бѣлая да чистая, Индусъ говоритъ о священномъ лотосѣ: другъ черной пчелы; — черный корень; — радость земная; — водный камышъ; — луна; — изъ водъ растушій; — воду покрывающій; — рождающійся въ водѣ; — изъ влаги исшедшій; — водой порожденный; — прудовой; — вода; — влага; — подобный оку; — столистный; — тысячелистный; — обиталище весны; — пребываніе Лакшми (богини красоты); — солнечный даръ; — красотою возлюбленный; — лучезарный; — богатство; — округлый листъ; — богатый листъ; — листъ огня.

Подобно этому, Испанская мысль, прикасаясь къ чему-нибудь, открываетъ все новыя и новыя стороны предмета, параллелизируетъ и безъ конца тѣшится сравненіями, наряжаетъ избранный предметъ то въ одинъ образъ, то въ другой. Какъ рождается любовь?

Любовь родится въ зрѣньи,
Ростеть изъ обращенья,
Ее питаетъ ревность,
И смерть ей — въ оскорбленьи.
Когда жь она умретъ,
Тутъ новая любовь
Зарыть ее песеть.

Вѣчность круговорота. Изъ любви умершей рождается новая любовь, какъ изъ пожелтѣвшаго осенью листка, черезъ паденье его на землю, возникаетъ новый изумрудный побѣгъ, и въ новомъ весеннемъ вѣтеркѣ будутъ безъ конца качаться свѣжіе зеленые листки и стебельки, играя переливами и уводя мысль въ мечту.

Если любовь питается ревностью—и чѣмъ не питается она?—конечно, она должна горѣть неугасимо, ибо здѣсь мы касаемся бездонности.

Въ колодець ревности
Спустился я испить,
Испилъ тамъ ревности,
Мнѣ съ жаждой вѣчно быть.

И если влюбленная мечта поетъ, что, когда любовь умираетъ, гробовщикомъ ей служить новая любовь, та же мечта, капризно себѣ противорѣча, говорить, что, въ концѣ-концовъ, любовь и вовсе не можетъ умереть, пришла — такъ ужъ такъ и останется, ничѣмъ ее не выгонишь.

Тоска убиваетъ тоску,
Печаль убиваетъ печаль,
Гвоздь выбиваетъ гвоздь,
Любовь не выбьетъ любовь.

Любовь въ сущности ничего о себѣ не знаетъ, она лишь познаетъ себя, непрерывно, вспышками, вѣчно играетъ сама съ собою въ прятки, теряетъ себя и находитъ. Въ отдѣлѣ „Испанскихъ народныхъ пѣсенъ“, носящемъ названіе — „Teoría y consejos amatorios“, „Теорія и совѣты любовные“, есть опредѣлительное въ этомъ смыслѣ четверостишіе.

Любовь ребенкомъ изображаютъ,
Глаза повязкою покрыты,
Вотъ почему всегда влюбленный
Живетъ въ потемкахъ и въ слѣпотѣ.

Безъ конца ощупывая въ слѣпотѣ самое себя, любовь даетъ себѣ многообразныя опредѣленія.

Любовь есть ребенокъ: когда родится, ей малаго довольно, а потомъ давай все больше и больше. Лю-

бовь есть червь: войдетъ черезъ глаза, дойдетъ до сердца и смертныя причиняетъ муки. Любовь — зло-вредный червь: укусить — не найдешь въ аптекъ лѣкарства. Любовь — червоточина: овладѣваетъ человѣкомъ распространяясь. Любовь — моль: кормится тѣмъ, изъ чего рождается, и всегда грызетъ то, что ее породило. Любовь — паукъ: родившись, питается собственнымъ ядомъ, а мы, полюбивъ, живемъ умирая. Любовь — осторожный паукъ: забравшись въ тайный уголокъ души, она раскидываетъ свои паутинки такъ незамѣтно, что и самый мудрый не сумѣетъ обрѣзать нить. Любовь — рыба: много острыхъ костей выпадаетъ на долю влюбленныхъ. Любовь — гора: очень высокая, и трудно взойти на вершину, а разъ наверху, ежеминутно можно сорваться. Любовь — тропинка заводящая: кто по ней идетъ наиболѣе прямо, тотъ наиболѣе теряется. Любовь — веселый дугъ: войдешь — изумленъ развлеченіями. Любовь — поле: сохнетъ отъ зноя, а брызнуть капли — цвѣтеть. Любовь — огонь неугасимый: чѣмъ больше горитъ, себя сжигая, тѣмъ ярче горитъ. Любовь — огонь и вмѣстѣ дымъ; огонь, если пламени въ двухъ сердцахъ горять, и черный дымъ, если одно лишь сердце чувствуетъ пытку. Любовь — пламя непонятное: дыма не видно, а пожаръ весь въ заревахъ. Любовь — однихъ освѣщаетъ, другіе — въ ней тонуть. Любовь — медъ, и любовь — желчь. Любовь — книга: прочтешь первые листы — въ страхъ и ужасъ, а дойдешь до середины, и забота пропала. Любовь — колесо вѣчно вращающееся: однихъ поднимаетъ, другихъ опускаетъ, бойтесь, многихъ заставило внизъ покатиться. Любовь — табакъ: никто куренье не броситъ, а многимъ хотѣлось бы, и тотъ, кто на время бросаетъ, куритъ съ наибольшею страстью. Любовь — азартная игра: сколько обигранныхъ. Любовь — школа разочарованій: здѣсь и са-

мые мудрые поучаются, но, сколько бы ни поучались, неисправимые слѣпцы, всегда забываютъ науку. Любовь — воображаемая монета: никто ихъ не видитъ, а торговля идетъ своимъ порядкомъ. Любовь — торговля, основанная на банкротствѣ: кто выигрываетъ, тотъ теряетъ, и, въ концѣ-концовъ, если есть какой-нибудь барышъ, его уноситъ Дьяволъ. Любовь — ремесло безъ выучки: знаетъ его и старый и малый, въ мастерскихъ этого ремесла наилучшіе учителя — женщины. Любовь — комедія, и такъ какъ нѣтъ хорошей комедіи безъ репетицій, первая любовь требуетъ второй, а затѣмъ — число увлекаетъ. Любовь — луна: отъ новолунья — до новолунья, ущербъ — и снова. Любовь — величайшая эпидемія, которая существовала въ мірѣ; кто ея не зналъ. И наконецъ —

Любовь есть тяжба,
Судись, коль хочешь, —
При пересмотрѣ
Ее теряешь.

А если потерялъ, струна сейчасъ же запоетъ —

Сердце безъ любви —
Растенье безъ плода,
Несчастный, что не любить,
Зачѣмъ живетъ опъ въ мірѣ?

Испанскія народныя пѣсни, будутъ ли это трехстрочныя *soleares*, или четырехстрочныя *coplas*, или семистрочныя *seguidillas*, — три обычные ритма Испанскаго поэтическаго творчества, — всегда воздушны, тонки по настроеніямъ и зеркальны въ своей озаренности. Въ одной сэгидильѣ ревнующая дѣвушка говоритъ своему милому:

— На луну я взглянула,
И увидѣла въ ней,
Что влюбленъ ты въ другую
И тѣшншься съ ней.